

ГАЛИНА
ФЁДОРОВА-КОСАРЕВА

ПАРУСА ПЕРЕМЕН

Галина Сергеевна Фёдорова-Косарева

Паруса перемен. Эссе и интернет-посты

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71896606

Паруса перемен. Эссе и интернет-посты: Четыре; Санкт-Петербург;

2025

ISBN 978-5-907949-06-5

Аннотация

Эссе, представленные в этой книге, ведут читателя к обретению Надежды, Веры в Добро и победу Света. Жизненный опыт автора, переплавленный в топке духа, становится основой нового понимания мира как школы человечества и каждого из нас, величия природы и красоты духа как прорыва к Высшему. Книга поможет читателю найти опору и место в жизни в наше непростое время больших перемен.

Содержание

От автора	5
Ровесники войны	7
Мы – шестидесятники	13
Раскручивая ленту времени...	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Галина Фёдорова-Косарева

Паруса перемен

Эссе и интернет-посты

*** * ***

© Г. Фёдорова-Косарева., текст, 2025

© Издательство «Четыре», 2025

От автора

Представляя будущим читателям свою новую книгу эссе и заметок, воспоминаний и размышлений, мне бы хотелось прежде всего отметить, что это издание – своего рода авторские раздумья о жизни.

Полагаю, что явным водоразделом в моей судьбе, как и в судьбах большинства моих соотечественников, стали 90-е годы. Оно и понятно. Страна вступала в период радикальных изменений. Тогда я, оставив на время литературную работу, живо откликнулась на новые вызовы: пыталась найти себя в бизнесе, в педагогике, в общественной жизни, даже, в конце концов, меняла место жительства. Должна сказать, что именно в те годы в моей прежде совершенно атеистической голове произошло некое замыкание, которое и привело потом к новому пониманию мироустройства Вселенной. Именно тогда я приняла крещение, ушла резко в сторону от своего прежнего материалистического мировоззрения, навсегда осознав как данность наличие тонкого плана, Бога вовне и в нашем сердце, реальность существования ангелов и архангелов, великих личностей – Будды, Иисуса, Магомета... Конечно, для русской души главным остаётся православие – как данная нам Богом религия. Ангелы ведут по жизни каждого из нас, мягко и заботливо. Эх, если бы мы это ещё и понимали!

Жгучие проблемы нашего времени, роль России в процессе разрушения всего капиталистического мира, а теперь уже и в военном противостоянии с Западом – и поиск человеком своего Пути в это тяжкое время перемен – обо всём этом мои эссе и заметки.

В то же время эта книга – моя сердечная благодарность нелёгким прошедшим годам и земной поклон тем людям, которые помогали мне сохранять оптимизм, шагать вперёд и осмыслять эту непростую жизнь... чтобы могли рождаться потом новые добрые рассказы и волшебные сказки.

Моим друзьям и коллегам, тем, кто был рядом все эти годы, я и посвящаю с глубокой благодарностью эту книгу.

Ровесники войны

Все мы, родившиеся в годы Великой Отечественной или незадолго до её начала, – ровесники войны.

Я ещё помню её страшный оскал, когда мы с семьёй приехали в разрушенный послевоенный Минск в гости к маминной сестре Августе. Помню разрытые общие могилы возле военного городка. А в лесу – остовы сгоревших боевых машин. Муж тётки Гути дядя Ваня был военным лётчиком, он возил меня на аэродром, я сидела в кабине настоящего штурмовика, который совсем недавно сбивал вражеские мессеры.

Да и у нас в далёком тыловом Челябинске о войне напоминали не только фронтовые треугольники писем. Помню узкие полоски бумаги, наклеенные на окна крест-накрест, чтобы стёкла в квартирах не вылетели из рам в случае бомбёжки.

Мы гордились победой. Папа, вернувшийся с фронта, показывал мне карту, и я удивлялась: «Как это – малюсенькая Германия посмела полезть к нам. Наша страна такая великая!»

Мои школьные годы пришлись на тяжёлое послевоенное время. Шло восстановление народного хозяйства, разрушенного в годы войны.

Мы жили в коммунальной квартире на четвёртом этаже пятиэтажки. Когда-то в подъездах, видимо, планировали

устанавливать лифты, для них было оставлено место, но потом стало не до лифтов, и мы бегали по пролётам, опасливо поглядывая вниз, в квадрат пропасти.

В квартире ютилось кроме нашей ещё две семьи. А в годы войны на подселении даже в ванной обитала жиличка – эвакуированная из Ленинграда. Пищу все готовили на общей кухне на керосинках. Кто сегодня помнит о керосинках? А продавался керосин в магазинчике по дороге к трамвайной остановке, и там всегда толпился народ.

Трамвай № 8, проходя под тремя мостами и затем через посёлок ЧТЗ – челябинский тракторный – и все парадные улицы, связывал наш КБС (расшифровывалось как коммунально-бытовое строительство) с центром города и железнодорожным вокзалом. Впрочем, ещё можно было за полчаса пешком дойти до вокзала через Порт-Артур (так в честь подвига русских моряков в 1905 году назывался этот район).

Сейчас здесь престижный микрорайон, застроенный высотными домами. А тогда Порт был как большая деревня, о которой ходила дурная слава, и мы не рисковали без особой надобности бегать туда. Особенно в тёмное время суток. Хулиганства, воровства и бандитизма в те послевоенные годы случалось немало.

Одно из главных впечатлений детских лет – очереди в магазинах. Особенно за керосином, мукой и хлебом. Очереди, в которых нужно было стоять часами. Номера записывали химическим карандашом на руке. Беготня по магазинам и

стояние в очередях были моим главным делом в семье.

Мне было суждено начать учёбу в первом «А» классе женской школы № 37 города Челябинска. В школе, где с самого её основания в 1936 году преподавала математику моя мама Евсеева Антонина Васильевна, где уже три года училась моя старшая сестрёнка Амалия – Маля, как мы её звали дома.

Шёл трудный 1946 год. Мне ещё не исполнилось семи лет, но я уже немножко знала грамоту, так как нередко сидела рядом со старшей сестрой, когда та учила уроки. Бывала я раньше и в школе. Мама брала меня с собой, когда не хотела оставлять одну дома, и я тихонько рисовала что-нибудь, сидя на задней парте, чтобы не мешать остальным. Понятно, что я рвалась в школу – и оказалась в классе самой маленькой по возрасту и по росту.

Почти все мои одноклассницы жили по соседству – кто в домах, кто в бараках. В основном это были дети из семей работников завода имени Серго Орджоникидзе, или иначе – военного завода № 78. Теперь это Станкомаш. Не у всех была школьная форма, вместо портфелей многие ходили с тряпичными сумками. Носили матерчатые туфли – баретки, мы их натирали мелом, чтобы те выглядели наряднее. Зимой в классах было холодно, часто гас свет.

Чистописание для меня оказалось мукой. Я очень старалась, но ручка-пёрышко всё время оставляла кляксы, а чернильницы хоть и были непроливашками, но они не хотели со мной дружить. Так помарки и преследовали меня все школь-

ные годы. По всем предметам успевала на пятёрки, а всё же снижали отметки за эти помарки. Впрочем, это не помешало мне завершить школьное образование с золотой медалью.

В первые дни тёплого золотого сентября 1946-го я подружилась с черноглазой серьёзной девочкой – Олей Олимпиаевой, дочерью директора мужской школы № 47. Её семья тогда жила в служебной квартирке, расположенной в самой школе, только вход в неё был со стороны двора, заросшего бурьяном. В ту пору даже директора – самые главные люди в системе школьного образования – не имели нормального жилья. А в их семье было, между прочим, трое детей. Сестра Ольги в будущем станет актрисой, а сама Ольга – кандидатом наук, будет преподавать в военном училище в Свердловске-Екатеринбурге. Но тогда мы ни о чём таком не задумывались.

Жили весело, беззаботно. Играли в лапту, прятки, «штан-дер-штан-дер» (была такая игра в мяч), «казаки-разбойники»... Став постарше, сели на велосипеды. Зимой катались на коньках, лыжах...

Другая моя подруга – Лиля Свиридова. Будущий врач, тоже кандидат наук и преподаватель в Челябинском медицинском институте. Жили тогда в одном доме и даже в одном подъезде. Мы – на четвёртом, а она – на втором этаже. Сотовых телефонов тогда не было, как и обычных стационарных – и ничего, обходились. Стукнешь в двери, договоришься – и во двор. Или просто покричишь подруге – и вот уже все в сбо-

ре. Можно и про школьные дела поговорить, поскакать на скакалке, поиграть в «классики» или в мяч. А сколько мы знали считалок!

Как раз весной 1946-го из армии вернулся мой папа, старший лейтенант-пехотинец Сергей Павлович Фёдоров, на гражданке учитель математики и астрономии, а также фотолюбитель, автомобилист, охотник и рыбак. Он прошёл всю войну, был награждён орденом Красной Звезды, а в послевоенный год служил в военной комендатуре польского города Штеттин.

Ещё во время первых боёв под Москвой доброволец Фёдоров вступил в партию.

Очень высокий и красивый, он был замечательным, неординарным человеком, и я гордилась им. У многих моих подруг отцы не вернулись с фронта, как, например, у Руфы Розановой, тоже дочери учительницы из нашей школы, Ангелины Михайловны. Или у Али Сафиуллиной. Как я узнала спустя многие годы, её отец как бывший пленный был репрессирован.

Мы учились в шестом классе, когда март 1953 года изменил всю ситуацию в СССР. Смерть Сталина! Помню, зарёванная, я бежала по улице – куда, зачем? – и думала: «Как же теперь мы будем жить?! Что будет с нашей страной?» В школе на третьем этаже был выставлен огромный портрет вождя, украшенный цветами. Общее построение в коридоре. Плакали все.

Мы учились в девятом, нам было по 16 лет, когда Никита Хрущёв в 1956-м произнёс свою знаменитую речь на XX партийном съезде. Вчерашний бог был свергнут, мы были опьянены ощущением открывшихся возможностей. И пронесли это чувство через всю жизнь. Чувство внутренней свободы.

Однако власть очень скоро поняла, что свободу народу следует давать дозированно, по маленькому глоточку. В 1957-м, после школы, я поступала в Уральский госуниверситет. Абитуриенты шёпотом обсуждали, что произошло в вузе весной. Тогда студенты старших курсов провели конференцию, на которой сравнивали одну за другой статьи Конституции СССР и современную им реальную жизнь. Судьба смельчаков была незавидна: исключение из вуза, а кому-то и срок...

И в этой обстановке всеобщего сиротства, недоедания, бедности и грубости удивительным было чувство единения и взаимовыручки людей, чувство радости детства, нашего упорного стремления учиться, гордости за нашу страну.

Мы – шестидесятники

Наша студенческая юность пришлась на конец 50-х – начало 60-х годов трагического и бурного XX века.

Собрались мы летом 1957-го в Свердловске, кучка медалистов со всей страны и абитуриенты более солидного возраста, которые поступали в Уральский госуниверситет имени Горького, уже хлебнув настоящей взрослой жизни и определив ориентиры дальнейшей судьбы.

На отделение журналистики этой осенью было принято 75 человек. Верящих в себя и полных розовых надежд.

Трудовые семестры

Первый курс начался с традиционной для тех времён поездки «на картошку». Убирали студенты урожай в одном из колхозов Свердловской области – Верх-Баяке. Помню холодный ветер индевеющих полей и горячие танцульки в деревенском клубе.

Мы рядами шли по полю, набирая картошку в мешки. Простужались и болели... В мой первый студенческий день рождения мы как раз были «на картошке», а у меня болело горло, поднялась температура. И всё же 20 сентября однокурсники поздравили меня – тогда мне исполнилось семна-

дцать лет. Плакатик нарисовали: «Ты пока ещё цветочек, будешь ягодкой потом»... трогательно очень...

До сих пор порой мозглые осенние ночи напоминают мне темень сельских улиц, холодные запахи сырой земли – из того моего далёка-далека.

Мы ещё не закончили работу на колхозных полях, когда 4 октября 1957 года над миром раздался писк первого спутника. Для нас это был сигнал вступления в новую эру! Какие мы испытывали эмоции!

На втором курсе мы снова выезжали «на картошку», на этот раз – в совхоз «Криулинский». Тогда я верхом на лошади гоняла стадо коров на водопой. На рассвете. Мне дозволяли. И это было особой светлой полоской в мороке холодных дней.

На третьем курсе мы ездили на уборку урожая уже на целинные земли. Лопатили пшеницу в зернохранилищах. Пыльно и тяжело. Кровь – носом. Но была и радость широкого бесконечного ровного пространства, куда можно было, забыв обо всём, уйти и брести, брести, брести – а потом вдруг спуститься в овраг, где под руками осыпался песок, – всё это было особым постижением многоликости жизни... Время дарило новые ощущения – степного ветра на лице, сыпучего скользящего зерна... И снова лошади, выезды верхом...

На четвёртом курсе мы с подружкой Валею Рощиной отправились уже в Качканар, на комсомольскую стройку, – сде-

лались заправскими штукатурами. По собственному желанию! Это уже другой мир. Мир тайги, тяжёлых подъёмов на вершины окружающих гор, величественных и таинственных в своём молчании. Впрочем, в местной многотиражке я писала о проблемах на стройке, узких местах... А ночью, уже не помню почему, ещё и дежурила в здании управления – и всю ночь слушала радио на коротких волнах. Ловили «голоса».

Наши наставники

Трудовые семестры были ежегодной увертюрой к долгим месяцам учёбы. Нам повезло с преподавателями.

Большинство наших наставников были людьми необычными, яркими, талантливыми. Многие из них прошли школу Великой Отечественной. Так, декан Анатолий Иванович Курасов был участником взятия Берлина. Его студенты недолюбливали, но я знала: он всегда верил в меня и надеялся, что я оправдаю его надежды. И я старалась.

Многими орденами и медалями награждены фронтовики Борис Самуилович Коган, читавший нам курсы фронтовой журналистики, теории и практики печати, блестящий лектор Владимир Владимирович Кусков, тонкий знаток древнерусской литературы, бывший военный переводчик...

На первом курсе особое впечатление на всех произвёл эрудит Александр Константинович Матвеев, он читал курс

античной литературы. Тогда он не был ещё ни доктором филологических наук, ни членом-корреспондентом Академии наук, ещё впереди были его знаменитые экспедиции и подготовка трёхтомного «Словаря говоров Русского Севера».

Специалист он был разносторонний – особый интерес у него был к топонимике – поиску смысла названий уральских гор, озёр, местечек. Нам он открыл мир юности современной цивилизации. Образы античных комедий и трагедий, как и древнегреческие мифы, с тех пор вошли вполне реальными силуэтами в окружающий нас пейзаж.

Всегда глубочайшее уважение, симпатию и почти нежность мы испытывали к преподавателю русского языка. Агния Ивановна Данилова была выпускницей Московских высших женских курсов, которые она закончила ещё накануне революции. Пожилая дама с буклями, мягкая и вежливая, дотошная и корректная, с красивейшим именем Агния была ярким образчиком старой русской интеллигенции. Ей было уже за семьдесят. Казалось, что через неё к нам обращается вся культура ещё той, дореволюционной России. Грех было у такого педагога плохо знать родной язык. Мы шутили, что наш однокурсник Феликс Симаков даже конспектировал академическую грамматику.

Особый интерес я всегда испытывала к философии. Царица наук! Известный уральский философ Константин Николаевич Любутин только начинал тогда свою научную и преподавательскую деятельность. Это потом он станет одним из

организаторов в университете философского факультета, заслуженным деятелем науки РФ, вице-президентом Российского философского общества, академиком! А в ту пору... Молодой преподаватель, только что закончил философский факультет МГУ, приехал на Урал по распределению. Он был старше нас, студентов, пришедших в вуз после школы, всего на пять лет. А для многих моих однокурсников был и вообще ровесником. И даже ходил с нами, влюблёнными в него студентками, в турпоходы. Помнится, особенно боготворила его наша умница-разумница Раиса Блажко.

Безусловно, изучали мы, и очень тщательно, важнейшую из наук – политэкономия. С этим предметом нас знакомил преподаватель Павел Семёнович Томилов, высокий, стройный, донельзя обаятельный. Как обожала его моя подруга Римма Буркова! Впрочем, всё естественно. Влюблённые студентки – это даже банально!

Обязательный курс по истории КПСС – как в те времена без таких знаний? Да никак! – нам читал Иван Пименович Плотников. Курс, конечно, невозможно скучный, зато читал его человек интересный. Молодой, что для нас было очень важно. Едва тридцать лет разменял. Смелый, свободно мыслящий, нами, студентами, любимый.

А полнейший восторг и восхищение у всех вызывал, конечно же, преподаватель по эстетике умнейший Лев Наумович Коган, большой человечище, к тому же ещё и богатырской комплекции. В ту пору глава уральской философской

школы, он не чурался студенческих посиделок, обладал великолепным чувством юмора. Появлялся в коридорах общежития, заглядывал в комнаты к студентам, шутил – и громкий смех волнами перекатывался по всему этажу...

Тогда он только начинал формирование уральской школы социологии культуры. Пройдёт ещё десять лет, и он организует проведение уральских социологических чтений.

Интересно, что он работал в университете и спустя тридцать лет, когда на факультете искусствоведения и культурологии училась моя дочь Августа. Он читал тогда студентам введение в специальность. Августа закончила университет, получила профессию культуролога. Потом училась в аспирантуре в Питере, защитила кандидатскую и стала преподавать в вузе, только уже не на Урале, а в Москве. Так передаётся эстафета знаний.

С историей искусств нас знакомил Борис Васильевич Павловский. В годы войны Свердловск хранил увезённые в эвакуацию сокровища Эрмитажа. В нашем городе работали питерские и московские искусствоведы. Такое не проходит бесследно. Повышается культурный уровень жителей всей территории.

Борис Васильевич стал основоположником уральской школы искусствоведения, инициатором создания сначала отделения искусствоведения на филологическом факультете – это случится летом 1960 года, когда мы, закончив третий, переходили на четвёртый курс. А потом в нашем универси-

тете появится и новый факультет – факультет искусствоведения и культурологии, тот, где и будет учиться впоследствии моя дочь.

Да, это было время, когда создавались новые факультеты. Время начинаний.

Кстати, поступали-то мы на филологический. На отделение журналистики. А осенью 1959-го, когда мы приступили к учёбе уже на третьем курсе, отделение было преобразовано в факультет.

Азы профессии мы постигали под руководством многоопытного Евгения Яковлевича Багреева, основателя уральской школы журналистики. Ему было уже к 60 – нам он казался глубоким стариком. Мы его чуть-чуть побаивались и считали, что он никак не может понять нас, молодых и дерзких. В ту пору он только что оставил свой пост главного редактора газеты «Уральский рабочий» и занялся преподавательской работой.

Кафедру теории и практики на новом факультете возглавил фронтовик Валентин Андреевич Шандра, доцент, кандидат философских наук. Позднее он станет и доктором, и профессором, и будет назван главой уральской школы подготовки журналистов. Школы, в которой большое внимание уделялось изучению философии.

Нашей «классной дамой» была Любовь Ивановна Копяк. Под её руководством, помнится, я писала курсовую работу. О проявлении партийности в мировой прессе... Серьёзно

так рассуждали мы тогда о роли СМИ...

Не забыть нам и мэтра – Леонида Михайловича Архангельского, который читал нам новый философский курс «Основы марксистско-ленинской этики». Архангельский был и редактором газеты «Уральский университет», для нас важнейшего органа печати. Там публиковались наши тексты, а иногда и наши фото. Кстати, у нас был отдельный курс по фотоделу.

Я как член комитета комсомола университета, ответственная за сектор стенной печати, была в университетской многотиражке принята и обласкана. Печатала свои газетные обзоры...

Очень нам помогала преподаватель Ирина Вячеславовна Романцева. Она кропотливо приучала студентов к редакционной «кухне»: проверке фактов, дат, имён, стилистической шлифовке, борьбе за действенность выступлений, умению выстроить материал. Я благодарна ей за поддержку и помощь.

Все восхищались эрудицией и кругозором обожаемого нами Владимира Валентиновича Кельника, который знакомил нас с журналистскими школами Запада. Он, как и старейшина факультета Багреев, только-только перешёл на преподавательскую работу, до того был заведующим отделом литературы и искусства газеты «Звезда» в Перми. Впервые он начал чтение лекций по зарубежной печати.

Бережно храню снимок, сделанный в одну из встреч од-

нокурсников в 80-е годы, с нами именно он, наш любимый преподаватель. В верхнем ряду слева направо Римма Буркова, Валентин Васильев.

В среднем ряду Надежда Гущеварова (Мирская) (приехала из Саранска), затем я, Галина Фёдорова-Косарева, Валя Рощина, Владимир Кельник, в нижнем ряду Герман Иванов, Ольга Гречишкина (она тележурналист, жила в Прибалтике), Фёдор Подольских (приехал из Оренбурга).

Сегодня из этой группы живы, кроме меня, член Союза писателей Надежда Гущеварова (Мирская), Герман Иванов, Фёдор Подольских – правда, он теперь москвич, переехал к детям в столицу, Валя Рощина – она перебралась с сыном на Кубань. Время забирает людей очень быстро, увы... И передвигает по карте...

Владимира Валентиновича мы боготворили. Его инициативе я была обязана тем, что на практике весной 1961 года оказалась в Москве, в «Комсомольской правде». И видела, как столица встречает первого человека в космосе – Юрия Гагарина!

Впереди ещё был пятый курс, защита дипломов – и расставание с альма-матер.

По распределению в Архангельск – на работу в областные партийную и комсомольскую газету «Правда Севера» и «Северный комсомолец» – мы поехали втроём: кроме меня, ещё Ольга Щербинина и Надежда Плаксун.

В Архангельске нас тепло встретила землячка, выпускница нашего журфака 1960 года Татьяна Завгородняя (по мужу Шахова). На всю жизнь она осталась в этом прекрасном северном городе и спустя годы работала в местной организации Союза журналистов России.

Ну, а мы трое... Через несколько лет все мы вернулись на Урал. Позднее Ольга переехала в Питер, к дочери, сейчас выпускает книги, широко печатается. Надежда Плаксун по-прежнему в Екатеринбурге, успешно работала на телевидении, вела вопросы культуры. Общаемся. Перезваниваемся. Встречаемся на ветеранских собраниях.

Дорогие мои сокурсники

В Екатеринбурге наших однокашников сегодня раз, два и обчёлся.

Я уже упомянула Надежду Плаксун. Ещё не назвала Татьяну Зайцеву (с ними мы вместе когда-то были на практике в Москве). Потом Таня отправилась по распределению на далёкую Чукотку, на телевидение. И только недавно вернулась на Урал.

И, конечно, всегда перезваниваемся и изредка встречаемся с Германом Иванцовым, профессором, доктором наук, бывшим преподавателем нашего же университета (когда-то он занимался в знаменитой студенческой капелле и посетил Вену, выступал на фестивале молодёжи и студентов, вместе с

ещё одним нашим однокурсником, сегодня известным московским писателем, знатоком русской истории Валентином Свининниковым).

Из тех наших однокурсников, кто также оставил след на уральской земле, нужно обязательно вспомнить ещё и Стаса Вагина. Он вернулся из Прибалтики в годы перестройки. Бросил там налаженную жизнь, удачную карьеру. Тут ему всё пришлось строить заново. Работал в «Областной газете». Здоровье не выдержало – нелегко начинать жизнь с чистого листа...

Хотелось бы назвать ещё и блестящего журналиста, поэта Валентина Васильева. Он, единственный, защищал диплом на английском языке. После окончания университета некоторое время поработал на Ближнем Востоке, потом вернулся и преподавал на родном журфаке. Полагаю, это было где-то в начале 70-х годов. Какие прекрасные стихи он писал! К сожалению, Вали, как и его друга Стаса Вагина, уже давно нет среди живых...

Когда мы заканчивали пятый курс, на страницах «Уральского университета» появилась фотография, на которой несколько будущих журналистов смотрят вдаль с высоты балкончика нашего здания по улице 8 Марта, 62. На этом снимке Фёдор Подольских, Феликс Симаков, я, а рядом со мной наша волжанка Римма Буркова (всю жизнь проработала в самарской вечёрке «Волжские зори», вечная ей память!)

Фёдор как уехал по распределению в Оренбург, так там и работал. Сейчас москвич, собкор газеты «Советская Россия». А был главным редактором областной партийной газеты.

Феликс стал известным тележурналистом в Ижевске. Он был самым юным на курсе. И вот – позже всех нас, совсем недавно, отметил своё 75-летие.

Некоторые из наших сокурсников обосновались в столице. Разные судьбы, но каждый из них сумел сделать в своей жизни рывок, который и привёл их к покорению первопрестольной. Это телевизионщица Людмила Нежнова, редакторы Светлана Фалей, Ирина Пинчук, Алла Бушуева (в замужестве Ведрашку, она стала женой главного редактора знаменитого «толстого» журнала «Новый мир»), Елена Родневская (перед выходом на пенсию уже работала в Государственной Думе), Леонид Левицкий и его жена, кандидат наук Зарема Хакимова. Леонид с женой работали в годы советской власти в Таллине, но сумели после перестройки вернуться в Россию и освоить пространства нашей столицы. Надеюсь, что Леонид и сегодня – на боевом посту, он работал в журнале Совета Федерации России.

Время идёт стремительно, и оно забирает одного за другим наших товарищей.

Вечная память:

– Владимиру Ермолаеву, корреспонденту «Правды» в Ир-

кутске;

- Анне Тока, сотруднику газеты «Известия»;
- Болеславу Пинчуку, бывшему работнику ЦК КПСС;
- Юрию Николаеву, сотруднику газеты «Советская Россия»...

И это только некоторые ушедшие, из московского землячества... Но Советский Союз распался, и наших сокурсников разбросало по свету...

Недавно шёл из жизни Юрий Кунгурцев – талантливый писатель, поэт, переводчик, автор многих книг, известный деятель культуры Казахстана. Жил в Чимкенте. Мы звали его в студенчестве Игорем, потому что он очень хотел походить на обожаемого им Игоря Северянина... Большой некролог, посвящённый ему, мы нашли в интернете случайно.

Отыскиали на просторах интернета Юрия Ряженцева. Успели даже поговорить по телефону – за несколько месяцев до его смерти. Оказывается, он, с женой-гречанкой, уехал из страны, жил в Афинах. Печатался в интернете в журнале «Девять муз». Его называют одним из самых талантливых поэтов эмиграции новой волны.

Разумеется, я не назвала многих наших однокашников. Например, Нину Шатрову. Она по распределению попала в Киров, работала в газете, создала семью и была счастлива – с мужем, детьми и внуками.

Многие адреса потеряны, не обо всех мы знаем... Разве что донесётся весть: например, умер Ваня Жадько... Боря Штейнфер... И всё же нет ничего крепче нашего дружества!

Viva журфак! Мы всегда знали, что учимся на самом лучшем факультете, который готовит настоящих журналистов!

Молодей и процветай, наш журфак!

Экс-декану Борису Лозовскому, более тридцати лет возглавлявшему журфак, – дружное «Ур-р-а!!!»

Раскручивая ленту времени...

Юбилей нашей писательской организации всколыхнул и высветил в моей памяти глубокие, почти забытые пласты эмоций, давно уже за явной ненадобностью отправленные на чердак души. Так неожиданно и вдруг напиталось моё «Я» весенней свежестью давних событий, что захотелось поскорее записать эти впечатления, ускользающие в полусумраке конца прошлого века. Вернее, восьмидесятых годов. С которых вдруг, в один миг – надолго ли? – слетела тёмная патина лет.

Собственно, спусковым крючком послужили два события, оба связанные с нашей областной универсальной библиотекой имени В. Г. Белинского.

Событие первое. Мне довелось попасть на презентацию новой книги публициста Сергея Мартянова, его диалогов о литературе с ведущими мастерами пера Екатеринбурга. Разговор касался в основном века двадцать первого, его проблем и трудностей писательского бытия. Пришли поддержать коллегу герои его книги Вадим Осипов и Владимир Блинов. В разговоре с ними перед началом презентации я заметила, что к истории организации тоже причастна. В восьмидесятые годы принимала участие в её работе, хотя и не была тогда членом союза, но немало поездила с писателями по стране с выступлениями... Состояла на профсоюзном учёте,

платила взносы с гонораров... Оба удивились... Не помнили, что был какой-то профком литераторов... Оно и понятно, дело давнее. Тогда и Советский Союз ещё существовал, и Союз писателей был единым.

Да, так оно и было, ездила я тогда по воинским частям, совхозам вместе с другими писателями, читала свои рассказы на Тюменщине и в Верхотурье, где в самом святом месте в ту пору находилась колония для несовершеннолетних... А храмы будущей духовной столицы Урала разрушались, находились в совершенном запустении... И я писала материалы в газету о необходимости восстановления шедевров архитектуры.

Судьба вела меня так, что в середине 80-х я отважилась пуститься в самостоятельное плавание. Нелёгкое это было решение. Приняла я его после публикации в журнале «Урал» моих рассказов по северным впечатлениям (царствие небесное и вечная память Валентине Артюшиной, моему первому редактору), выхода ряда коллективных сборников прозы и публицистики в столице и на Урале, а следом и первой авторской книги рассказов «Трудная полоса».

Ушла я из редакции газеты «На смену!» и несколько лет, вплоть до 89-го, душой прислонялась к нашей писательской организации. Тут находила поддержку, опору, наставников и товарищей. И так вплоть до разгара перестройки.

Однако так всё устраивает Судьба, каким словом её ни называй – Высший разум, Господь... Временные петли вяжет,

крутит, соединяет порой несоединимое...

Однако надо бы поискать старые документы – тех памятных 80-х...

Это же не только мои личные артефакты – это и некие ве-
хи деятельности нашего Союза. Пусть и не во всём объёме, а
в пределах того, что я знала, – работы с молодыми, работы по
пропаганде литературы. Ибо я не по своей инициативе вы-
ходила к читателям, это было частью большой жизни писа-
тельской организации... Даже если от ЦК ВЛКСМ выезжала,
по их путёвке, как на БАМ, например, или на погранзаставы,
то всё равно по рекомендациям от творческих союзов...

Надо поискать!

Кое-что должно было бы сохраниться в старых папках.
Хотя за эти годы мы с мужем не раз переезжали, жили то в
Югре, то в Челябинске. Но всё же удалось кое-что отыскать
в моих домашних многочисленных ворохах и стопах.

Разглядываю старые фотографии, грамоты, отзывы посе-
тителей о встречах, афишу даже нашла одну, разложила по
комнате – и тут второй звоночек. В прямом смысле.

Событие второе. Борис Долинго, нынешний руководитель
Екатеринбургского отделения Союза писателей России, со-
общает мне, что во вторник, 16 апреля, открывается выстав-
ка в Белинке, посвящённая юбилею писательской организа-
ции. И можно там как раз показать, что у меня в домашнем
архиве сохранилось... А пока...

– Звони Ивкину!

Звоню.

Сотрудник библиотеки, прекрасный поэт Сергей Ивкин немедленно переадресовал меня в краеведческий отдел.

Короче, на следующий день бегу с полными сумками бумаг, книг в библиотеку, встречаюсь с тремя прекрасными дамами, служительницами Её величества Книги... Так мои живые свидетельства эпохи попадают на выставку.

А в итоге воспоминания в моей голове начинают заново выстраиваться в киноленту давно ушедшего... Собственно говоря, десять лет назад об этом этапе своей жизни я уже писала, и довольно полно, в книге воспоминаний «Листая годы» (издана в 2015 году в Челябинске руководителем тамошней писательской организации, мной глубоко уважаемым Олегом Николаевичем Павловым). В Белинке эта книга есть, кто заинтересуется, можно всегда познакомиться. Там я писала о себе и своих друзьях-коллегах, о своём творчестве. Но сегодня речь идёт не обо мне собственно, а о писательской организации – и это совсем другой коленкор. И потому снова ныряю в пучину воспоминаний. На этот раз взгляд скользит по значимым событиям тех лет...

Однако по порядку...

Как сегодня в библиотеках работают литературные клубы, так и в ту пору поэты собирались, обсуждали свои «шедевры», спорили... При редакции моей родной областной молодёжной газеты «На смену!», где я проработала почти четверть века, действовал самый известный в ту пору литера-

турный клуб. Его руководителями были в разное время Лев Румянцев, Светлана Марченко, Владимир Сибирёв, другие литераторы, но когда я его посещала, занятия вёл прозаик, певец села и родной природы Леонид Фомин.

Народу молодого творческого собиралось всегда немало, обсуждения были бурными... Для многих – первые уроки мастерства... Среди его участников были и такие будущие звёзды, как Николай Коляда, например. Не знаю, помнит ли наш великий драматург начало своего творческого пути?

Клуб носил имя поэта Михаила Пилипенко. Он был редактором нашей газеты в послевоенный период, «Уральская рябинушка» и другие песни на его слова до сих пор живы.

Насменовцы всегда гордились творчеством писателей старших поколений, чья жизнь была связана с редакцией. Вот ещё несколько имён. Один из первых редакторов газеты, участник Гражданской войны, политрук, писатель Виктор Кин, литературовед, автор многих книг Владимир Ермаков, доктор филологических наук, лауреат премии Неру Александр Шифман...

Многие бывшие насменовцы перешли потом работать в Средне-Уральское книжное издательство, в редакции журналов, в центральные газеты, на телевидение, стали известными литераторами... Вписали свои имена в историю Союза писателей СССР. Это Феликс Овчаренко, лауреат премии Николая Островского, Клара Скопина, лауреат премии Ленинского комсомола, Эльза Бадьева, Герман Дробиз, Влади-

мир Турунтаев...

Да и в мою бытность в редакции мне было с кого брать пример, у кого учиться... В одном кабинете со мной за соседним столом одно время работал Владимир Туболев, автор яркой книги по истории Урала и повести о подвиге военных лётчиков, по которой даже кино снимали... Потом Володя вернулся в авиацию, хотя до последних дней жизни не бросал перо... Помню, как к нам в редакцию по какому-то, несомненно, важному делу зашёл один из секретарей обкома партии. И главный редактор Евгений Панфилов привёл его в наш кабинет специально – познакомить с Туболевым. Он очень гордился, что в газете трудится настоящий писатель. Это было для него вопросом уровня и чести газеты.

Ещё один насменовец, работавший в одно время со мной, Анатолий Курчаткин, после первых удачных литературных опытов, расправив крылья, улетел в Москву, поступил в литературный институт, выпустил несколько романов, стал лауреатом премии Фазиля Искандера...

Работал в то же время в редакции и поэт Владимир Назин. Вот какой он мне написал автограф на своей книге стихов «Пятистенка»: «Дорогой Гале, другу по мукам художественным и товарищу по „На смену!“ с признательностью, благодарностью и наилучшими пожеланиями. Искренне. Володя Назин. 5 июля 1982 года». Вот такие доброжелательные, талантливые люди были рядом.

А с писателем-юмористом Валерием Анищенко мы не

только работали в соседних отделах, но и жили в одной коммунальной квартире на Вторчермете, выделенной нам родной редакцией. Впрочем, это обстоятельство к сегодняшней теме, кажется, совсем не относится. Однако говорит о том, как ценили в советскую пору журналистов и писателей, как заботилось о них руководство области. В отличие от дня сегодняшнего, когда творческие союзы должны решать свои проблемы исключительно выходя к спонсорам с протянутой рукой...

Однако вернёмся в стены литературных клубов. Союз писателей всегда активно и тщательно воспитывал свою смену.

Вадим Осипов вёл занятия на Пушкина, 12. Собирались поэты и в редакции журнала «Урал»... В Свердловском горном институте «забил» «Горный родник», который очень доброжелательно вёл писатель Юрий Конецкий, издавал даже небольшие книжки, например «Цветы для любимых» (2001 г), куда вошли и мои стихи. А в начале нового века Юрий стал вести занятия уже на Уралмаше, в центре культуры, где и после его смерти в 2014 году этот творческий ручеек продолжал струиться – дело мужа продолжала его вдова, прекрасный поэт Любовь Ладейщикова.

Впрочем, все эти события я уже не застала, так как жила в то время далеко, в Югре. И посетила это литобъединение несколько лет назад, в 2018 году, вернувшись в Екатеринбург уже насовсем. Приехали мы на Уралмаш с поэтессой и журналисткой, общественным деятелем Валентиной Моло-

довской поздравить Любовь Ладейщикову и участников лит-объединения сразу с несколькими важными датами – днями рождений Любви Анатольевны и бессменного старосты семинара, члена Союза журналистов, поэтессы и моей доброй знакомой Елены Захаровой, а также отметили ещё две юбилейные памятные даты – Михаила Светлова и свердловского поэта и долгие годы руководителя писательской организации Льва Сорокина. Почитали их стихи.

В литобъединениях шёл как бы первичный отбор. Кто-то оставлял эти занятия, кто-то успешно осваивал литературное мастерство. Те, кто преодолел первые испытания, становились участниками областных совещаний молодых. Они проводились регулярно и очень тщательно готовились.

Помню одно из обсуждений, тогда ещё в здании Союза писателей по улице Ленина, где сегодня музей камнерезного искусства. Мои рассказы читал и рецензировал сам Борис Рябинин. Боже, как я любила его книги о собаках, о Нигере. Мой отец, охотник, держал дома спаниельку Альфу, я ухаживала за ней, гуляла. Иногда папа брал меня с собой на охоту, рыбалку. У меня было и своё ружьё... А уж вытаскивать клещей из шерсти Альфы после возвращения с болот-озёр всегда было моей обязанностью...

И вот мой кумир говорит мне слова поддержки, отмечая, что я точно рисую не только женские, но и мужские характеры. Что у меня широкое, мужское перо... Его слова согревают душу...

Десятое по счёту областное совещание проходило в мае 1978 года на Шарташе. Солнце, свежий ветер, запах воды... Перед нами выступают, как полагается, секретарь обкома комсомола Алексей Чемоданов, доктор философских наук, любимый мой преподаватель философии в студенческие годы Константин Любутин, яркий талантливый прозаик Николай Никонов... Творческими семинарами руководят Эльза Бадьева, Венедикт Станцев, Николай Найдич и Леонид Фомин. Я, конечно, у Фомина. С восторгом гляжу на Эльзу, она тоже журналистка. Из нашей газеты. Публицист, очарование и талант!

Помню на совещании и Валерия Климущкина. Уже маститый писатель, печатался в «Новом мире», «Нашем современнике»... Но ни капли высокомерия, взглядов свысока... Шутил, поддерживал... Валерий и его супруга поэт Людмила Матвеева с тех далёких времён всегда были рядом, все эти годы, вплоть до смерти Валерия. Когда я в 90-е пыталась сама издавать книги, завела своё дело, Валерий мне помогал, договаривался с типографиями... Учил, наставлял! А Людмила и поныне рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.